

исторического прогресса — насилии, жертве, власти к господству и подчинению, — короче говоря, «воли к власти» самой консервативной части общества.

В то время как в России этот феномен был только намечен (а развит скорее пришедшими на смену неоконсерваторам большевиками в их стремлении к построению авторитарно-тоталитарного государства-молоха), в Германии он приобрел форму «консервативной революции», своеобразно подготовившей идеологическую почву для национал-социалистической идеологии, на практике реализовавшей многие охранительно-консервативные модели, предложенные неоконсерваторами обеих сторон.

Следует особо подчеркнуть, что неоконсерватизм России и Германии, сформировавшийся в конце XIX-начале XX века, ничего общего не имеет с явлением 70-80-х годов XX века, тоже получившего название «неоконсерватизм». Если консерватизм начала века выступил с яростной критикой идеологии либерализма, именно против распространения его и был направлен, то так называемый «неоконсерватизм» 70-80-х годов XX века Западной Европы и Америки явился скорее реакцией на государственно-монополистический характер производства, сложившийся в экономике западных стран в период после второй мировой войны. Он представлял собой «новую версию», воспроизведение основных заветов классической либеральной идеологии с ее минимизацией роли государства, поощрением частной инициативы, разрушением и диверсификацией производства, опорой на вновь возрождаемый политически средний класс. И в этом смысле этот поздний «неоконсерватизм» середины XX века являл собой полное отрицание, опровержение феномена неоконсервативной идеологии, сформировавшейся в России и Германии на рубеже двух столетий и в начале XX века.

Изучение истории идей, с одной стороны — процесс вполне конкретный, позволяющий с почти математической точностью фиксировать возникновение той

или иной идеи, что весьма плодотворно для составления своего рода синхронистских таблиц в истории идеологии. Но, с другой стороны, вполне возможно, что вообще не существует такой вещи, как абсолютно «новая идея», поскольку в каждое «новое» время идея возвращается, выступает обновленной, реинкарнированной из кладовой человеческой памяти по той или иной причине и ее возрождение, «момент» его, переплетение различных идей и возможные последствия этого, всегда остаются предметом, с трудом поддающимся столь же строгому «математическому» исчислению. Каждое время лишь по-своему возрождает и переформулирует актуальные для себя основные фундаментальные идеологические концепции.

И если, как уже отмечалось, основным, одним из самых существенных парадоксов консерватизма конца XIX-начала XX века являлся парадокс насилия, «воли к власти», которым сопровождается ход истории, парадокс позитивной ценности самой исторической жертвы, при помощи которой, собственно, и осуществляется исторический прогресс, то оформляется он в мышлении идеологов неоконсерватизма того времени скорее в терминах оргиастической жертвы, посредством которой и манифестирует, проявляет себя жизнь, взятая в ее «онтологическом» предельном понимании.

Вовсе не случайно, что сам политический феномен неоконсерватизма конца XIX-начала XX века в области метаполитической философии, своего рода метафизики неоконсерватизма, питается идеями «философии жизни», взятой через призму биологических и натурфилософских представлений и опосредований — именно биология и сравнительная этнография, бурно развившиеся в XIX веке, дали объяснительные гипотезы для социальных феноменов в интерпретациях неоконсерваторов конца XIX-начала XX веков. Основные биологические метафоры, онтологически взятые в качестве

объяснения жизни вообще, и в частности жизни биологических организмов, лежат в основании социологических схем и Н.Я.Данилевского, и В.В.Розанова, и К.Н.Леонтьева — в России, а также А.Шопенгауэра, Ф.Ницше, О.Шпенглера — в Германии. Органицизм, биологически понимаемый органицизм, с рождением, расцветом, старостью и смертью организма, выступает в качестве интерпретационной схемы и культурно-исторических типов Н.Я.Данилевского, в анализе морфологии культуры и самих различных культур О.Шпенглера; он же диктует объяснение феномена «жизни» А.Шопенгауэру и Ф.Ницше, редуцирующих все социальные явления к своеобразно понятой телеологии «воли» и в конечном счете «воли к власти».

Постоянное опосредование конкретных социальных феноменов, самой общественной жизни с органицистским — или «онтологическим» — феноменом жизни вообще порождает не только «момент» дистанцирования, «иронии» по отношению к изучаемому объекту, но и своего рода редуционизм на уровне биологических метафор, которые не только являются обобщением хода истории и исторического прогресса — этого «голодного монстра», — но и сама общественная и государственная жизнь в такого рода интерпретациях предстает некоей разновидностью «жизни» биологической с ее темпом и бесконечным ритмом повторения: рождения, расцвета, упадка и последующей гибели. Поколения приходят и уходят, сменяются на исторической сцене, и сама история — это не что иное, как цепь чередующихся поколений, решающих всегда одну и ту же историческую задачу: изживания, проживания жизни, ее бесконечного круговорота и «вечного возвращения» самого бытийного архетипа, жизни в ее целостности и полноте неоконсервативного интерпретирования. По-своему это был феномен, опирающийся на реконструкцию, воспроизведение архетипа в его примордиальных, первичных формах, в принципе отличный от консервативного традиционализма, развитого в конце XVIII-начале XIX века.

ГЛАВА 1

«ДВАЖДЫРОЖДЕННЫЙ»

1.1. Туннельный эффект неоконсерватизма

В XIX веке традиционализм пережил второе рождение. Впервые заявленный в трудах консерваторов XVIII века Ж. де Местра и Л.Бональда во Франции, Э.Бёрка в Англии и Новалиса в Германии, он к середине XIX века обнаружил своего рода «туннельный эффект», с тем чтобы вновь возродиться в трудах неоконсерваторов конца XIX-начала XX века уже в идеях швейцарского историка Я.Буркхардта и его молодого коллеги по Базельскому университету — философа Ф.Ницше, О.Шпенглера — в Европе и почти одновременно с ними в работах славянофилов Н.Я.Данилевского, В.В.Розанова и К.Н.Леонтьева.

В историко-философском виде этот туннельный эффект «второго рождения» был описан в одном из писем Гегеля Шеллингу. «На них клеветали, — пишет Гегель по поводу конкурирующих философских систем, — и их опровергали, исходя из своей системы; тем временем научная культура спокойно шла своим путем, и толпа, плывущая по течению, с изумлением обнаружила, что труды, которые она, на основании споров понаслышке, считала давным-давно опровергнутыми заблуждениями, если они вообще попадались ей на глаза, вдруг оказались господствующими системами времени»². По отношению к неоконсерватизму конца XIX-начала XX века это несомненно справедливое замечание, тем более что вся деятельность неоконсерва-

торов этого периода была направлена как раз на опровержение и переосмысление, переоценку господствующего в XIX веке рационалистического консерватизма самого Гегеля, его концепции «настоящего» как высшей формы бытия в его прусской монархической манифестации.

Г.В.Гегель, исходя из своей рационалистической конструкции, утверждал: «Старое мы должны почитать, почитать его необходимым, должны иметь в виду, что оно является звеном в этой священной цепи, но вместе с тем мы должны помнить, что оно — только звено, настоящее представляет собой наивысшее»³. В отличие от консерватизма status quo, представителем которого, бесспорно, явился Гегель, с его обожествлением прусской монархии, вновь возрожденный консерватизм именно «по-прежнему», как и в «первом рождении», выступал против не только обожествления существующей действительности «настоящего», но и любых попыток его реформирования, даже в самых умеренных формах, впервые наиболее остро поставив идею реставрации, реконструкции, возрождения и воссоздания окружающей социальной действительности. Прошлое выступало не только «священным звеном цепи», но базисным примордиальным, первичным основанием бытия, возрождение и реконструкция которого составляли основной пафос философских устремлений неоконсерваторов. Это был как бы консерватизм и традиционализм поневоле, из необходимости воли к отрицанию как раз того самого «настоящего», которое так восхваляли консерваторы status quo подобно Г.В.Гегелю.

Этот парадокс консервативного традиционализма «поневоле» в свое время удачно описал Ф.М.Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 год, увидев в самом этом консерватизме (уже у него принявшем выраженную форму антисемитизма) революционный характер. Он же дал как бы своеобразное определение самой

консервативной революции как «революции против революции» XVIII века во Франции и широкого распространения в Европе, в том числе и в России, либерально-демократических идей. «И так, скажут мне, — писал в «Дневнике писателя» Ф.М.Достоевский, — что всякий русский, обращаясь в европейского коммунара, тотчас же и тем самым становится русским консерватором. Ну нет, это было бы уж слишком рискованно заключить. Я только хотел заметить, что в этой идее, даже и буквально взятой, есть капельку правды»⁴. И отметив различие судеб В.Г.Белинского, перешедшего от восторгов по поводу гегелевской философии к ее полному отрицанию, и князя П.П.Гагарина, перешедшего в Европе в католицизм, Ф.М.Достоевский писал далее, подводя определенный итог и давая свое определение неоконсерватизма, которое осталось верным и для многих поколений неоконсерваторов: «Одним словом, мы — революционеры, так сказать, по собственной какой-то необходимости, так сказать, даже консерватизма»⁵.

Именно такими консерваторами — отрицателями настоящего, буржуазного настоящего, «по необходимости» — стали и А.Герцен в 40-е годы, и М.Бакунин и В.Нечаев — в 50-е годы XIX века, открыто призывавшие не только к разрушению сложившейся в этот период государственной машины, но и, в силу «революционной необходимости» — к полной террористически-анархической революции, к бунту как форме своеобразного неоконсервативного традиционализма, поскольку сам бунт, восстание воспринимались ими как разрушение несправедливого общественного устройства и возвращение к некоей первичной примордиальной реальности.

Также исходя из весьма специфически понятого консерватизма, идею «культурно-исторического типа», «особой судьбы России» разрабатывал и Н.Я.Данилевский в книге 1868 года «Россия и Европа», ставшей как

бы образцом и во многом — предметом подражания в рассуждениях о европейском либерализме и судьбе (византийской судьбе) России К.Н.Леонтьева и многих других консерваторов в России, которые оценивали ход событий в Германии как в стране, вступающей на путь либеральных реформ с большим историческим отрывом от стран, уже имеющих либерально-демократическую структуру. Тем самым формируется своеобразный диалог мыслителей этих двух стран, не всегда конгениальных по стилю, темпераменту и способам изложения, но, тем не менее, выступающих с позиций неоконсервативных установок и различающихся друг от друга лишь спецификой исторического материала, приводимого в качестве доводов, и культурно-исторической ориентацией на различный базисный архетип неоконсервативного реконструирования, которое противостоит окружающей их действительности, «настоящему», с апофеозом которого выступал в свое время Г.В.Гегель.

Это был сравнительный (компаративный) диалог культур, философских традиций, несмотря на различие рациональных и иррациональных форм аргументации, различие религиозно-культуральных установок самого неоконсервативного мышления. Так, например, В.В.Розанов, впервые ознакомившись с идеями Ф.Ницше, весьма своеобразно отреагировал на них: «Когда я в первый раз узнал об имени Ницше из прекраснейшей о нем статьи Преображенского в «Вопросах философии и психологии», которая едва ли не первая познакомила русское читающее общество с своеобразными идеями немецкого мыслителя, то я удивился: «Да это — Леонтьев, без всякой перемены»⁶.

Почти то же самое говорилось и о поразительном совпадении идей Н.Я.Данилевского и О.Шпенглера, хотя их отделяет друг от друга более чем полувековое, в отличие, скажем, от Ф.Ницше и К.Н.Леонтьева, расстояние во времени. И не столь важно, что и Н.Я.Да-

нилевский, и К.Н.Леонтьев стремятся противопоставить современности, настоящему некий возрожденный образ Византии — «Царь-града», а Ф.Ницше — некую реконструируемую им модель древнегреческой Спарты, как формы базисной примордиальной, т.е. вневременной, вечной античности; важно другое — отрицание, а не сохранение современности, бегство от нее в мыслительных конструкциях в некое вневременное состояние, некое возрожденное архетипическое бытие, феномен жизни, не подверженный социальным и революционным потрясениям и всплескам. Подобная мыслительная установка, редуцирующая настоящее к вневременному вечному и абсурдна, и парадоксальна одновременно, поскольку старается запретить изменение, движение путем сведения его к покою, статике, круговороту одних и тех же идентичных серий исторических событий (теория «вечного возвращения того же самого» Ф.Ницше) — и это с одной стороны, а с другой — заостряя противоречие «настоящего» и вневременного, базисного, первичного, исходного бытия, не дает способов, путей решения этого парадокса, намечая лишь столь же утопические, парадоксальные пути его разрешения.

И как в свое время писал весьма проницательный философ и диалектик С.Кьеркегор: «Объяснить парадокс означает понять глубже и глубже, что есть парадокс и что парадокс есть парадокс»⁷. Еще более едко отметил этот парадоксальный стиль мышления неоконсерваторов, правда, неоконсерваторов первого, традиционалистского, типа, «типа Новалиса», — столь отрицаемый ими Г.В.Гегель, писавший о философии Новалиса, что это, с одной стороны — «страстное томление прекрасной души», с другой — своего рода «сухотка духа», «томление, которое не хочет унизиться до реальных действий, до реального созидания — потому что оно боится замарать себя соприкосновением с конечностью, хотя оно вместе с тем носит в себе чувство не-

удовлетворенности этой абстракцией»⁸. И если Ф.Ницше и О.Шпенглер своеобразно смиряются с недостижимостью своей мечты (хотя и разрабатывают вероятные проекты ее возможного осуществления, но тем не менее склоняются в стоическом *amor fati*), то парадокс истории как раз и состоит в том, что найдутся «энергичные практики», которые в реальности, наяву постараются осуществить этот реакционный идеал, эту «сухотку духа», явившуюся существенной чертой неоконсервативной идеологии в целом, в России и Германии в конце XIX и в начале XX века в частности.

1.2. Артур Шопенгауэр как предтеча неоконсерватизма

Относительно быстрое прохождение «туннеля» под господствующей философией того времени, а это, напомним, была философия тождества Г.В.Гегеля, обусловили, помимо изменившейся после 1848 года в Германии социально-политической обстановки, два следующих фактора: во-первых, саморазложение и распад гегелевской системы в трудах его эпигонов, последовавшие вскоре после смерти самого философа в 1830 году; во-вторых, выход на политическую и философскую сцену незаслуженно забытого младшего современника И.Г.Фихте, Г.В.Шеллинга и самого Г.В.Гегеля, их яростного антипода, тоже по-своему продолжающего традицию, восходящую к И.Канту, — А.Шопенгауэра.

И если основателем консервативной партии в Германии, считавшим, так же как и Г.В.Гегель, что государство, а именно прусское государство — это самореализация во времени «абсолютного духа», явился Ф.Ю.Шталь, гегельянец как по духу, так и по букве своих идей — идей консерватизма *status quo*, идей сохранения, неподвижности и покоя, то подлинным метафизиком неоконсер-

ватизма, разрывающим с идеей охранительного консервирования существующей действительности, стал А.Шопенгауэр, оказавший большое прямое и косвенное влияние на всю философскую мысль в Европе 50-60-х годов.

В этом смысле борьба между Г.В.Гегелем и А.Шопенгауэром, начатая еще в юности «франкфуртского отшельника», в 50-60-е годы, оказалась явно не в пользу Г.В.Гегеля. В философии А.Шопенгауэра впервые со времен св. Августина и Боссюэ было покончено с пониманием истории как прогресса, т.е. поступательного движения, движения «спасения», в котором мессианически ожидаемое царство Божие являлось конечной целью. История человеческого рода впервые предстала как продолжение зоологии; был полностью отброшен сентименталистский взгляд на природу и человеческие отношения, господствовавший в XVIII веке, да и сам животный мир предстал как непрерывная борьба за выживание вида и рода, бесконечная борьба за существование.

Именно в трудах А.Шопенгауэра впервые в истории философии Нового времени интеллект, разум был смещен с господствующей позиции и заменен волей, ставшей первичным субстанциональным элементом, в котором разум и интеллект играли лишь вспомогательную роль. Его антирационализм заложил основы и философии бессознательного Эд.ф.Гартмана, и волюнтаризма Ф.Ницше, и глубинного психоанализа З.Фрейда и К.Г.Юнга. Его интерес к индийской философии и буддизму впервые столкнул философский евроцентризм с господствующими позициями. Именно он прямо попытался соединить, сопоставить, по-своему дополнить кантовский трансцендентализм философией Платона, создавая своего рода «симбиоз» античной и современной философии. Именно его антирационализм вновь вернул интерес к эстетике и этике как формам проявления бессознательной воли в человеческих отношениях. Мистический пантеизм Я.Беме в его философии как